

В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина
(Москва)

КОЛЕБАТЬ И ЗАКОЛЕБАТЬ

Резюме. Рассматривается история употреблений глагола *колебать* и некоторых его приставочных производных — прежде всего, *заколебать*, резко изменившего свое значение (от ‘начать колебать’ к ‘надоесть’) приблизительно в последней трети XX в. в силу эффектов, связанных с эвфемистической заменой. Данное явление, интересное само по себе, позволяет также обсудить некоторые нетривиальные вопросы диахронической семантики, русской глагольной префиксации и механизмов сдвига лексической сочетаемости в языке.

Когда в 1990-е годы, в ряду «возвращенных» имен, вспыхнул новый интерес к фигуре Валентина Парнаха (брата поэтессы Софии Парнок), действительно нетривиального персонажа русской культуры, поэта, переводчика, музыканта, танцора и — *last but not least* — создателя российского джаза в начале двадцатых, то один из его поздних почитателей, джазовый критик А. Н. Баташев, даже утверждал, что тот, в числе других заслуг, якобы первым «ввел» в русский язык столь популярный ныне глагол *заколебать*.

На первый взгляд, некоторые основания так утверждать были: по крайней мере, глагол *заколебать* в текстах Парнаха и вправду встречается. В его раннем стихотворении «Веселый мим» (опубликовано в 1918 г.) говорится буквально следующее:

- (1)   Алкать движений не устану,
                         Мим прирожденный, лад и пляс,
                         Волшебному кафешантану
                         Я предаюсь. Меня потряс
                         Причудливый *one-step!* Я пряну!
                         Веселия нежданный час!
                         Как стройно пальцами я щелкаю,
                         Шелк нот меня **заколебал**.
                         Я изогнусь иглою колкою,
                         Я сам — оркестр и дрожь цимбал. <...>

Конечно, испорченному современному читателю, которому попались на глаза эти строчки, может в них что-то такое почудиться: феномен «вчитыва-

ния» в текст того смысла, которые его элементы приобретут гораздо позднее (а в момент создания никак иметь не могли), вообще говоря, хорошо известен. (О нем особенно много писали пушкинисты, так как именно тексты Пушкина наиболее часто, по понятным причинам, подвергались такой семантической модернизации; см., например (Еськова 1999), где комментируется история слов *торжествовать*, *пустынный* и мн. др.) Но увы. Чести «введения» в русский язык глагола *заколебать* Парнаха придется лишиться — по двум причинам. Во-первых, у Парнаха этот глагол употреблен в тривиальном инхотативном значении («начать колебать»), которое было у него вполне обычным по крайней мере с конца XVIII до середины XX в., а позднее полностью исчезло (и, как мы видим, стало смущать современных читателей); во-вторых, то значение, которое имеет в виду критик ($\approx$ «надоесть»), начинает фиксироваться в русских текстах существенно позже — приблизительно к 1970-м годам. «Шелк нот» всего лишь придал лирическому герою начальный импульс колебательного движения — сейчас, наверное, мы бы описали ту же самую ситуацию как *шелк нот меня раскачал* или *затряс*... Так что Парнах ничего не «вводил» в русский язык — он просто следовал узусу XIX века; изменился же этот узус существенно позже.

Собственно, по поводу этой несколько внезапной и радикальной смены значений глагола *заколебать* мы бы и хотели сделать несколько замечаний, как относительно частных, так и более общего порядка.

Начнем с истории. Исходный коррелят интересующего нас слова, глагол *колебать*, хорошо известен и в старославянском, и в древнерусском языке (в форме *колебати* или *колѣбати*), где он издавна употреблялся в более или менее современном значении «каузировать объект периодически отклоняться от исходного положения в разные стороны» (ср. толкование МАС: «приводить в мерное движение»); наиболее известная ранняя цитата с этим глаголом — это, наверное, евангельская «трость, ветром колеблемая» (Мф XI, 7)¹. Достаточно рано фиксируется и метафорическое значение этого глагола «смущать, расшатывать, лишать твердых убеждений» (см. СлРЯ XI—XVII, 7: 232—233), где каузация физической неустойчивости трансформируется в каузацию «моральной нестойкости»². Заметим, что, в отличие от первого значения, в

¹ Интересно, что в современном языке форма страдательного причастия (*колеблемый*) — одна из самых частотных у глагола *колебать*; финитные формы его употребляются существенно реже (и в целом данный глагол, по-видимому, постепенно выходит из употребления: так, он практически не встречается в устном подкорпусе НКРЯ и в целом тяготеет к подчеркнuto литературным контекстам).

² О семантике его декаузативного коррелята *колебаться* см. (Рахилина, Прокофьева 2005) (в связи с анализом семантики глаголов колебательного движения в целом); здесь эту проблематику мы затрагивать не будем.

целом в современном языке сохранившегося (хотя и стилистически несколько маркированного), второе значение сейчас практически ограничено юридическими контекстами (бесприставочное *колебать* встречается в основном в контекстах типа *колебать алиби / доводы обвинения* и т. п.; его приставочный коррелят *поколебать*, однако, в этом значении гораздо более частотен, см. ниже).

Что касается приставочных производных от этого глагола, то наиболее частотным среди них является семельфактивное *поколебать* (также известное с древнерусского периода как в прямом, так и в метафорическом значении, см. СлРЯ XI—XVII, 16: 167); фиксируются также синонимичное ему *всколебать* (в современном языке утраченное) и интересующее нас инхоативное *заколебать*, к концу XX в., как уже было сказано, нетривиальным образом изменившее свое значение. Интересно, что в современном языке и *поколебать* практически полностью специализировалось на метафорических контекстах (*поколебать* можно *веру, убеждения, аргументы, устои* и т. п., но никак не *листья* или *оконные стекла*); тем самым, глагол *колебать* в прямом значении практически перешел в класс непроемных, утратив естественные семельфактивные корреляты (в отличие от близких ему по значению глаголов *колыхать, качать, трясти* и т. п.). Возможно, такое сужение словообразовательных возможностей является одним из симптомов начинающегося ухода этого глагола из языка.

Обратимся теперь к истории производного глагола *заколебать*. По данным словарей и корпуса, он отчетливо фиксируется в русском языке с конца XVIII — начала XIX века в достаточно обычном для глаголов с приставкой *за-* инхоативном значении; в таком качестве он вполне надежно засвидетельствован приблизительно до середины 1920-х годов (в словаре XI—XVII вв. он не засвидетельствован; таким образом, «пик» употребительности этого глагола в прямом значении — XIX век). Вот несколько примеров из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru):

- (2) Где я найду слов, чтоб описать тебе ту неизъяснимую тоску, которая сжала мое бедное сердце, когда эти восхитительные и адские звуки *заколебали* воздух? [М. Н. Загоскин. Вечер на Хопре (1834)];
- (3) И в это же время, хотя день был безветренный, легкая струя ветра пробежала по армии и чуть *заколебала* флюгера пик и распущенные знамена, затрепавшиеся о свои древки [Л. Н. Толстой. Война и мир (1867—1869)];
- (4) Кто-то отворил дверь, и в вагон рванулся ветер, *заколебав* пламя ламп и занеся несколько снежинок [А. С. Серафимович. В снегу (1902)];
- (5) И одна за другой души, населявшие ее вместе со мной, пробуждались и принимали призрачную плоть в форме отражений. Страшное бес-

покойство *заколебало* мою сонную душу [В. Я. Брюсов. В зеркале (1903)];

- (6) — Бон-да-рен-ко! — крикнул из-за стены полковой командир, и звук его огромного голоса сразу наполнил все закоулки дома и, казалось, *заколебал* тонкие перегородки передней [А. И. Куприн. Поединок (1905)];

- (7) Но быстрый ветер нечаянных надежд
Вдруг налетел и тонкими крылами
Заколебал возлюбленное пламя
И отряхнул про лучшие края
Цвет яблони на книгу бытия.

[А. Е. Адалис. «Во всех словах судьбы святое имя...» (1920—1922)].

Во всех этих примерах (пример (1), безусловно, относится к тому же типу) *заколебать* означает ‘начать колебать; привести в колеблющееся состояние’ и, вообще говоря, с точки зрения современной нормы практически везде может быть заменено сочетанием бесприставочного глагола с *начать* или *стать* *salva significatione*. В примере (3) *чуть заколебала* означает ‘привела в слегка колеблющееся состояние’ (т. е. сфера действия *чуть* относится не к значению приставки, а к значению корня); в том же предложении можно отметить другое инхоативное образование, *затрепавишиеся* ‘начавшие трепаться’, которое также невозможно с точки зрения современного употребления³.

В начале XX в. частотность *заколебать* снижается (не случайно последние примеры — поэтические, для которых типична консервация архаичных употреблений), возникает ощущение, что эта лексема, так сказать, «выдыхается» (вслед за *всколебать*, окончательно исчезнувшим в первой трети XX века; интересно, однако, что МАС приписывает глаголу *всколебать* помету *устар.*, а глаголу *заколебать* — нет, при этом толкуются оба глагола одинаково — как инхоативные). В середине XX в. лексема *заколебать* в Корпусе не фиксируется вовсе, и этот провал длится приблизительно с конца 1920-х до конца 1970-х гг., когда она вновь возникает, но уже в другом качестве — экспрессивного эфемистического синонима *надоесть*.

В промежутке между этими двумя периодами имеется только один пример, и он носит, как кажется, полностью искусственный характер: это фрагмент из «Архипелага ГУЛаг»:

³ Вообще, вопрос о лексических ограничениях на инхоативную *за-*деривацию в современном русском языке (и тем более о диахронических изменениях в системе таких ограничений), как кажется, практически не изучен — к постановке проблемы ср. (Dickey 1999).

- (8) В обвинительных материалах процесса освещается мутным жёлтым немигающим фонарём закона вся неуверенная, *заколебленная*, запетлившаяся история этой пафосно-говорливой, а по сути растерявшейся беспомощной и даже бездеятельной партии, никогда не возглавленной достойно [А. И. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг (1958—1973)].

Речь в примере (8) идет о процессе 1922 года над партией эсеров; по-видимому, изобретенное автором причастие *заколебленный* должно означать что-то вроде ‘приведенный в (постоянное) колеблющееся состояние; полный колебаний’. Как бы то ни было, этот пример, по-видимому, последний по времени, в котором *за-* еще выражает инхоативное (или близкое к нему) значение и связано со старым инхоативным *заколебать* XIX века.

Новое употребление *заколебать*, очевидным образом, является эвфемизмом: использовано фонетическое сходство с обценным глаголом, который имеет ровно то же метафорическое значение ‘надоесть’. Существенно, правда, что это сходство распространяется только на формы, образованные от основы инфинитива (прежде всего, сам инфинитив и прошедшее время). Именно поэтому в новых употреблениях *заколебать* и до сих пор никогда не встречается в формах от основы презенса: при нормальном и частотном *ты меня заколебал* вряд ли можно услышать *ты меня заколеблешь* (разве только в качестве шутки или языковой игры)⁴. Тем самым, его статус как эвфемистического заменителя обценного глагола продолжает в какой-то мере ощущаться говорящими, хотя, быть может, все слабее и слабее.

Однако высокая частотность этого глагола в современной разговорной речи указывает на то, что он существует не просто как эвфемизм, но и как лексема, связанная с «исходным» глаголом *колебать* некоторым не вполне тривиальными семантическими отношениями. Можно утверждать, что, возникнув как эвфемизм на основе чисто внешнего сходства, этот глагол в дальнейшем закрепился в языке благодаря удачному взаимодействию первоначальной и производной семантики.

Закономерности эвфемизации (и дисфемизации) языковых элементов изучены в настоящее время недостаточно; можно упомянуть известную статью И. А. Мельчука (1977) на эту тему, всегда проявлявшего к данной проблематике интерес. Однако в указанной работе И. А. Мельчука рассматривается семантическая эволюция (пусть и не вполне стандартная) некоторой лексемы в ее *прямом значении*. Наш случай, как представляется, имеет принципиально иную (и, может быть, даже более интересную с лингвистиче-

⁴ Разумеется, в старом значении такие формы были вполне возможны, ср. у А. М. Жемчужникова: *Какая темнота! Уж лес, нахмурясь, дремлет, // Порой вершинами лениво заколеблет* [Примирение (1855)].

ской точки зрения) природу: ведь эвфемизации с помощью глагола *заколебать* подвергается не весь обценный глагол целиком, а только одно его метафорическое значение ('надоест'). Это довольно редкий процесс, хотя и не единичный: по-видимому, примерно так же устроено современное разговорное междометие *блин*, заменяющее свой табуированный прототип не во всех его употреблениях, а именно и только в междометных.

Можно предполагать, что это новое употребление возникает приблизительно в последней трети XX в.; но, по понятным причинам, в более или менее значительных масштабах такие употребления начинают фиксироваться в корпусе уже после 1990-х годов. Наиболее ранние из них, как это часто бывает, еще сопровождаются метаязыковыми комментариями говорящих и более явной установкой на языковую игру, ср.:

- (8) Как говорилось в одном анекдоте: «Вы никогда не колебались в убеждениях? — Колебался, но вместе с линией партии». К линии «Современника», к его репертуарной политике это отнести нельзя, но в какой-то степени и мы «колебались», вынуждены были «колебаться», точнее, нас «заколебали». Мы сопротивлялись, как могли [М. Козаков. Актерская книга (1978—1995)].

Таким образом, механизмы эвфемизации неожиданно способствовали «второму рождению» глагола, который, вообще говоря, уже находился в языке на грани исчезновения (а может быть, и перешел эту грань).

Причины того, что это употребление в языке закрепилось — подходящая для метафоры 'надоест' исходная семантика: идея монотонных однообразных движений, свойственная лексеме *колебать*, хорошо трансформируется в идею длительных монотонных однообразных и бессмысленных действий, вызывающих отрицательную эмоциональную реакцию говорящего. В этом качестве глагол удачно встраивается в синонимический ряд других экспрессивных глаголов со значением 'надоест' или 'утомить', конкурируя прежде всего с *достать* (также недавнего происхождения, но очень частотным в современном разговорном языке). Следует обратить внимание на общие синтаксические свойства глаголов данной группы (не все из них были присущи им в исходных употреблениях): наиболее типичными конструкциями, в которых они фигурируют, являются переходная с экспериенцером отрицательного эмоционального состояния в качестве прямого дополнения (*достал / заколебал кого-то*) и причиной состояния в качестве косвенного дополнения с предлогом *с* или без него (*достал / заколебал [с] чем-то*). Обе валентности могут выражаться одновременно (*ты меня достал / заколебал [со] своим ремонтом*); для *заколебать* также очень характерна эллиптическая конструкция, в которой ни экспериенцер (как правило, говорящий), ни причина не выражены (*отстань, заколе-*

бал!). При этом для выражения причины чаще используется предложная конструкция, чем беспредложная. Так, на апрель 2012 года поиск по русскоязычному сегменту Google давал для сочетания *надоел со своими* частотность, более чем в 13 раз превосходящую *надоел своими*; соотношение для экспрессивных синонимов *надоест* меньше, но вписывается в ту же тенденцию, хотя и в разной степени: *достал со своими* примерно в три раза чаще, чем *достал своими*, а *заколебал со своими* — примерно в два раза чаще, чем *заколебал своими*. На самом деле различие между *достать* и *заколебать* здесь даже более сильное, потому что в числе сочетаний с беспредложным творительным при *достать* существенна доля употреблений с прямым (физическим) значением, типа *достал своими руками*. Высокая доля беспредложного творительного причины при *заколебать*, как кажется, не случайна и соответствует тонкой семантической разнице между *заколебать* и *достать*⁵.

Действительно, оба глагола описывают интенсивное отрицательное эмоциональное воздействие, но достигаемое несколькими разными способами (в силу использования разных метафор): в случае *заколебать* акцент делается на однообразном повторении отрицательного стимула, в случае *достать* — на интенсивности и глубине воздействия, как правило преодолевающего сопротивление экспериенцера. Таким образом, чтобы *заколебать* кого-то, необходимо совершить нечто неоднократно; *достать* же можно и однократным действием, но в этом случае вторжение в личное пространство экспериенцера должно быть грубым и безусловным. Существенно также, что субъект *достать* часто действует более целенаправленно, чем субъект *заколебать*: первый скорее вторгается в личное пространство экспериенцера намеренно, добиваясь некоторой цели, тогда как второй часто вызывает отрицательное эмоциональное состояние ненамеренно, а просто в результате повторения действия. С этим согласуется тот факт, что субъектом *заколебать* гораздо чаще оказываются неодушевленные имена, и в этих контекстах *достать*, как правило, менее естественно; ср. примеры (10)—(12):

⁵ В корпусе устной речи обнаруживаются некоторые примеры крайне любопытной конструкции, в которой *заколебать* управляет инфинитивом глагола, ср.:

- (9) [Гульнара, жен, 19] Так что у тебя вчера с ним было? [Татьяна, жен, 19] Да ничего не было / пришел и **заколебал** нить / «В чем я перед тобой виноват / что тебе не нравится...». Так бы и врезала по башке чем-нибудь тяжёлым. [Гульнара, жен, 19] Ну так и врезала бы. [Татьяна, жен, 19] Да жалко по голове-то. [Разговоры студенток о личной жизни // Из коллекции Ульяновского университета, 2007].

Здесь *заколебал нить* соответствует нормативной конструкции с отглагольным именем вида *заколебал нитьём* ('тем, что ныл'). Такие употребления пока еще следует признать выходящими за рамки современной синтаксической нормы.

- (10) Водитель развернулся, улыбаясь, вытирая грязные ладони ветошью. Посмотрел на Сашу, снова сунулся в салон и выключил музыку. — *Заколебала* сигналка, верещит... Мы ее музыкой глушим [З. Прилепин. Санька (2006)];
- (11) — Девушка, возьмите до Москвы, совсем мурманский аэропорт *заколебал*, сутки ошиваюсь, командировочный, кандидатскую пишу... [Е. Попов. Во времена моей молодости (1970—2000)];
- (12) — Яхта — это долго, Надюша, — ответил Будкин. — Пока ее построишь, вся мечта уже засохнет. А мне поскорее хочется. *Заколебала* эта жизнь бессмысленная... [А. Иванов. Географ глобус пропил (2002)].

Для сопоставления *заколебать* и *достать* показательны также два следующих примера из одного и того же текста (повести А. Волоса), где оба глагола применяются для характеристики одного и того же персонажа (капризного клиента квартирного маклера), ср.:

- (13) Затем снова звонил Константин и сообщал, во-первых, что Николай Васильевич, будь он трижды неладен (вот *заколебал* так *заколебал!*), совершенно уже склоняется к нашему варианту, только напоследок хочет взглянуть еще разочек; а во-вторых — спрашивал, нельзя ли опуститься тысячи на три-четыре [А. Волос. Недвижимость (2000)];
- (14) Константин придвинулся ко мне. Было похоже, что Николай Васильевич и впрямь его *достал* — вместо прежнего спокойного, вальяжного, хорошо одетого и, судя по всему, удачливого риэлтора в ухо мне, похрустывая суставами пальцев, взволнованным шёпотом бухтел взъерошенный нервный человек. — Он не понимает, что с ним по-хорошему. Я сто двадцать тыщ своих ради него заморозил. А он кобенится чуть ли не третий месяц [А. Волос. Недвижимость (2000)].

Но если в (13) акцентируется скорее нерешительность клиента (который постоянно меняет намерения), то в (14) — его общая неадекватность; в (13) описано «текущее» отрицательное эмоциональное состояние, возникающее от постоянного повторения одной и той же ситуации, а в (14) — «итоговое» отрицательное эмоциональное состояние, возникшее в результате неудавшейся сделки.

Предложная группа *с* + творительный, возможно, исходно функционировала как атрибут субъекта, лишь в ходе синтаксической переинтерпретации конструкции начав функционировать как глагольный аргумент. Как кажется, семантика такого аргумента менее специфицирована, чем беспредложного творительного, указывающего прямую причину появления отрицательного эмоционального состояния: можно *надоест шумом*, но не [?]*с шумом*; с другой стороны, конструкции вида *надоест с ремонтом* указывают на то, что с ситуацией ремонта лишь связаны какие-то отрицательные факторы, прямо не названные.

Наконец, следует заметить, что глагол *заколебать* обрел новую жизнь в современном языке не только благодаря тому, что стал использоваться как эвфемизм, но и благодаря удачной семантической переинтерпретации (реактуализации) его словообразовательной структуры: бывшее инхоативное образование от глагола физического воздействия (по модели *затрясти*) осуществило семантический переход в класс приставочных производных вида *загрызть* или *защекотать* (см. о них Мельчук 1998: 404—408), обозначающих отрицательное воздействие, достигаемое в результате (интенсивного или многократного) совершения действия. Таким образом, не только корень глагола «подстроился» под новое значение (сместившись от обозначения колебательного движения к обозначению любого монотонного и отрицательно оцениваемого действия), но и приставка изменила свое значение: от инхоативного к тому, который в традиционных классификациях обычно относят к «интенсивно-результативной» группе; это значение связано с идеей выхода пациенса (объекта воздействия) за пределы нормального функционального состояния.

Таким образом, перед нами необычный пример возвращения лексемы в язык в обновленном значении — возвращения, обусловленного целым рядом различных лексических, синтаксических и словообразовательных факторов, удачным образом совпавших.

Л и т е р а т у р а

- Еськова 1999 — *Еськова Н. А.* Хорошо ли мы знаем Пушкина? М.: Русские словари, 1999.
- Мельчук 1977 — *Мельчук И. А.* Супплетивологические этюды. I. Об одном лексико-коитонематическом казусе в современном французском языке: EMBRASSER > BAISER > FOUTRE: (le) BAISER > (la) BAISE // *International Review of Slavic Linguistics*. 1977. 2.2—3. P. 313—328 [немецкая версия опубл. в: *Wiener linguistische Gazette*. 1976. V. 12. S. 57—65; английская версия в: *Wiener Slawistischer Almanach*. 1983. Bd. 11. S. 422—439].
- Мельчук 1998 — *Мельчук И. А.* Курс общей морфологии. Т. II (Ч. 2: Морфологические значения). М.: Языки русской культуры; Вена: *Wiener Slawistischer Almanach*, 1998.
- Рахилина, Прокофьева 2005 — *Рахилина Е. В., Прокофьева И. А.* Русские и польские глаголы колебательного движения: семантика и типология // В. Н. Топоров (ред.). *Язык. Личность. Текст. Сб. к 70-летию Т. М. Николаевой*. М.: ЯСК, 2005. С. 304—314.
- СЛРЯ XI—XVII — *Словарь русского языка XI—XVII вв.* Вып. 7. М.: Наука, 1980; Вып. 16. 1990.
- Dickey 1999 — *Dickey S. M.* Expressing ingressivity in Slavic: the contextually-conditioned imperfective past vs. the phase verb *stat'* and procedural *za-* // *Journal of Slavic Linguistics*. 1999. 7.1. P. 11—44.